

Становление речи и сознания в антропогенезе: эволюционные драйверы и социально-психологические механизмы

Н.С. Розов

Институт философии и права, Сибирское отделение РАН (ИФПР СО РАН), Новосибирский государственный технический университет (НГТУ), г. Новосибирск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>, e-mail: nrozov@gmail.com

Работа направлена на теоретическую реконструкцию генезиса членораздельной речи и основных способностей сознания на основе эволюционных закономерностей и социально-психологических механизмов. Представлены базовые понятия концептуального аппарата реконструкции: «способности», «установки», «интериоризация», «интерактивный ритуал», «ниши», «социальные порядки», групповые и индивидуальные «заботы», «коммуникативные заботы», «обеспечивающие структуры», в том числе «волшебные палочки» с особым потенциалом гибкости и полифункциональности. В онтогенезе человеческие установки и способности формируются через механизмы интериоризации (по Л.С. Выготскому) и интерактивного ритуала (по Э. Дюркгейму, И. Гофману, Р. Коллинзу). Реконструкция складывания человеческих черт в антропогенезе предполагает мысленное восстановление закономерного ступенчатого преобразования начальных ингредиентов — черт древнейших гоминид, вероятно, аналогичных особенностям наиболее близких к *Homo sapiens* человекообразных обезьян — шимпанзе и бонобо. Особое внимание уделено предритуалам, формирующим внутренние и поведенческие установки антропоидов, а также их способностям к знаковой коммуникации и обучению новым знакам. Показано, какая последовательность вызовов и ответов, новых природных, социальных забот и обеспечивающих их структур привела гоминид к складыванию совместной интенциональности (М. Томаселло), самоодомашниванию (Д. К. Беляев, Р. Рэнгем), нормативных ритуалов, первых групповых правил и внутренних нормативных установок (К. Лавджой, Д. Дор и др.). Этот комплексный феномен нормативности, соответствующие черты социальных порядков и обновлявшиеся коммуникативные заботы стали главными драйверами развития членораздельной речи, тесно сопряженных с ней способностей сознания.

Ключевые слова: происхождение языка, когнитивная эволюция, членораздельная речь, сознание, установки, способности, социальные порядки, нормативность, ритуалы, совместная интенциональность, коммуникативные заботы.

Для цитаты: Розов Н.С. Становление речи и сознания в антропогенезе: эволюционные драйверы и социально-психологические механизмы // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 4. С. 111–118. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180411>

The Formation of Speech and Consciousness in Anthropogenesis: Evolutionary Drivers and Socio-Psychological Mechanisms

Nikolai S. Rozov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>, e-mail: nrozov@gmail.com

The work is aimed at the theoretical reconstruction of the genesis of articulate speech and main abilities of consciousness based on evolutionary regularities and socio-psychological mechanisms. The basic concepts of the conceptual apparatus of reconstruction are presented: “abilities”, “attitudes”, “interiorization”,

“interactive ritual”, “niches”, “social orders”, group and individual “concerns”, “communicative concerns”, “supporting structures”, including “magic wands” with a special potential for flexibility and multifunctionality. In ontogeny, human attitudes and abilities are formed through the mechanisms of interiorization (according to L.S. Vygotsky) and interactive ritual (according to E. Durkheim, E. Goffman, R. Collins). To reconstruct human traits folding in anthropogenesis is to represent a regular stepwise transformation of initial ingredients — features of the most ancient hominids, probably similar to features of the apes closest to Homo sapiens — chimpanzees and bonobos. Particular attention is paid to pre-rituals that form the internal and behavioral attitudes of apes, as well as their abilities for sign communication and learning new signs. It is shown what sequence of challenges and responses, new concerns and supporting structures led hominids to the formation of joint intentionality (M. Tomasello), self-domestication (D.K. Belyaev, R. Wrangham), normative rituals, the first group rules and internal normative attitudes (C. Lovejoy, D. Dor et al.). This complex phenomenon of normativity, the corresponding social orders and renewed communicative concerns became the main drivers of articulate speech development, the abilities of consciousness that are closely associated with it.

Keywords: the origin of language, cognitive evolution, articulate speech, consciousness, attitudes, abilities, social orders, normativity, rituals, joint intentionality, communicative concerns.

For citation: Rozov N.S. The Formation of Speech and Consciousness in Anthropogenesis: Evolutionary Drivers and Socio-Psychological Mechanisms. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 4, pp. 111–118. DOI: : <https://doi.org/10.17759/chp.2022180411>

Проблема «языкового Рубикона» и идеи Л.С. Выготского о генезисе речи и мышления

Происхождение членораздельной речи, языка и сознания по-прежнему входит в число «вечных проблем» философского и научного познания. Поэтому продолжается рост исследований в этой сфере [см. обзор в книге: 3]. Наиболее загадочным остается «языковой Рубикон» — прорыв от знаковой системы коммуникации животных к началу членораздельной речи, дальнейшие этапы развития которой кажутся уже не столь удивительными.

Л.С. Выготский придавал большое значение наблюдению В. Кёлера о разрыве между знаковым общением шимпанзе и их способностями к практическому мышлению. Он отмечал такой же разрыв на ранней стадии развития детей с последующим соединением. Это сходство Л.С. Выготский фиксировал в своих значимых теоретических выводах: «Антропоиды обнаруживают человекоподобный интеллект в одних отношениях (зачатки использования орудий) и человекоподобную речь — совершенно в других (фонетика речи, эмоциональная функция и зачатки социальной функции речи). Антропоиды не обнаруживают характерного для человека отношения — тесной связи между мышлением и речью. Одно и другое не является сколько-нибудь связанным у шимпанзе» [4, с. 757].

С одной стороны, эти тезисы указывают на то, что *потенциальные ингредиенты для формирования речевой коммуникации уже присутствовали у предшественников гоминид* (в эпоху разделения с антропоидами), с другой стороны, имел место весьма высокий барьер («языковой Рубикон»), который гоминиды преодолели за несколько миллионов лет, а их ближайшие родственники так и остались бессловесными.

Понятийные орудия — ключевые концепты реконструкции

Установки — регулирующие психику и поведение индивида внутренние структуры (Л. Ланге, У. Томас, Ф. Знанецкий, Дм. Узнадзе [12]).

Способности (включая свернутые, автоматизированные навыки) — операциональные свойства установок, приобретаемые повтором, практикой, тренировками. Нас будет интересовать формирование в антропогенезе способностей к артикулированию и распознаванию речи; но и развитие сознания здесь будем понимать как *наслоение особых способностей фокусировки внимания*, оперирования разного рода ментальными представлениями. Способности возникают и растут, поскольку индивиды практикуются, а значит, уже имеют установки — настрой на повторы и тренировки. Но откуда берутся сами установки?

Интерьеризация — преобразование внешних социальных взаимодействий в «высшие психологические функции» (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия), иными словами — в психические структуры, управляющие поведением, т. е. те самые установки [4; 5].

Интерактивный ритуал — это взаимодействие двух и более индивидов в ситуации «здесь и сейчас» с общим фокусом внимания, автоматическими реакциями каждого на проявления окружающих, синхронизированными действиями и психофизиологическими ритмами, общим эмоциональным возбуждением той или иной модальности; причем полноценные, успешные ритуалы приводят к формированию, укреплению социальных отношений (солидарности с соратниками, преклонения перед вождями, авторитетами, отчуждению по отношению к отвергнутым), а также чувств, убеждений относительно сакральных предметов, лиц или идей, святынь, ценностей [9; 16].

Далее для простоты будем понимать «ритуал» именно в этом широком социально-психологическом

(и микросоциологическом) смысле. Таким образом, *интериоризация* — это *стержень ритуала как своего рода «социальной машины по производству установок»*.

Установки формируются и упрочиваются в ритуалах через механизм *положительного подкрепления* [10], причем взаимодействие участников, сложные когнитивные и эмоциональные процессы в ритуалах здесь играют роль оперантных проб.

Забота — объективная потребность, или нужда, аналог *функции* в эволюционной биологии, но без жесткой привязанности к организму; скорее, это характеристика *ниши* — динамичного взаимодействия живой системы с окружением. Наряду с индивидуальными есть *групповые заботы* (ср. с «общественными потребностями»). Кроме природных (а позже — техноприродных) ниш имеют место *социальные ниши*, или *социальные порядки*, — системы типовых взаимодействий и отношений с той или иной конфигурацией позиций, соответствующих паттернов поведения, с разным доступом друг к другу, к благам, ресурсам, а в перспективе — с нормами, институтами, практиками. Обновление порядков для обеспечения одних вызовов и забот (обычно базовых — в сферах пропитания, безопасности, статуса-престижа, сексуальности, родительства) поставяет индивидам и группам новые вызовы и заботы (надстроечные — прежде всего, в сферах социальных отношений, коммуникаций и в технологиях).

Заботы первоначально выражаются через *вызовы-угрозы* и *вызовы-возможности*, а *перспективными ответами* становятся поведенческие стратегии, практики, ведущие к формированию *обеспечивающих структур* [24].

Такие *структуры* (адаптации в широком смысле и сопряженные с ними элементы, ограничения, связи, процессы) бывают очень разной природы: орган, свойство органа (например, мозг, гортани), врожденные задатки (в том числе к освоению речи) и генные механизмы их формирования. Структурами обеспечения групповых и индивидуальных забот считаются установка и соответствующий тип поведения, социальная практика, социальный институт, элемент, правило или конструкция языка, способность сознания.

Некоторые гибкие структуры с особенно большим потенциалом модификаций и полифункциональности назовем *волшебными палочками*. Умелая рука, мозг, гортань, орудия, ритуалы, установки, знаки и значения, способности ими пользоваться, транслируемые в поколениях образцы — все это попадает в данный класс структур. В преистории и истории развертывались такие крупнейшие *волшебные палочки*, как язык, сознание, технологии, межпоколенная трансляция, мифологии, мышление, познание, искусство.

Для реконструкции промежуточных этапов эволюции следует также учесть, что ни одна структура не может возникнуть «из ничего»: всегда есть некие исходные *ингредиенты*, совмещение и модификация которых составляют складывание структуры.

Итак, способности (в том числе способности речи и сознания) формируются вместе с установками, которые через *интериоризацию* и ритуалы складываются как структуры, обеспечивающие заботы. Последние образуются охватывающими (техно) природными нишами и социальными порядками,

которые сами являются структурами обеспечения забот выживания в этих нишах. В начале причинной цепочки происходит обновление, в том числе «конструирование» ниш и порядков [20].

Обучение детей и социальный контроль речевой «правильности»

Благодаря работам Л.С. Выготского и Ж. Пиаже стало понятно, какую исключительную роль в когнитивном развитии ребенка играет его взаимодействие со взрослыми. Передача образцов от взрослых детям была и остается основой культурной трансляции. Образцы здесь постепенно освобождаются от необязательных поведенческих «добавок», присущих конкретному поколению.

Отметим присутствие всех компонентов *интерактивного ритуала* в каждом взаимодействии между взрослым и осваивающим язык ребенком: общий фокус внимания (на том, что делает и произносит ребенок), эмоция солидарности, явные выражения поддержки со стороны старших, одобрения при правильном произнесении, моментальные поправки при ошибке, попытки ребенка исправить артикуляцию и вновь положительное подкрепление при успехе. Связи солидарности и радость включения в ритуалы общего успеха взаимопонимания были и остаются могучим мотивом освоения новой для ребенка знаковой системы, а вместе с ней и всего комплекса поведенческих норм.

Предсознание животных и особенности поведения антропоидов

Не приходится сомневаться, что животные с острыми глазами, чуткими ушами и носами воспринимают окружающий мир, вполне адекватно ведут себя в отношении разных предметов соответственно их «значениям». Более того, у наиболее развитых животных есть способность удерживать «значения» исчезнувших из поля зрения предметов. Поле чувственного (зрительного, слухового и обонятельного) внимания животных по праву может считаться эволюционной ступенью *предсознания*, или нулевой ступенью развития сознания.

Есть важные черты психики, поведения антропоидов, особенно шимпанзе и бонобо, вероятно, сходные с теми чертами древнейших гоминид, которые стали ингредиентами будущих сапиентных (характерных для человека) структур. Наряду со сложной системой знаковой коммуникации, эмоциональными предритуалами, о которых далее будет сказано, следует указать на склонность и высокую способность антропоидов к имитации действий, хорошую дрессируемость и обучаемость, в том числе в освоении новых действий и знаков, развитое практическое мышление [4; 5].

Предритуалы в животном мире

Наиболее яркие аналоги ритуальных действий у приматов и других высших млекопитающих, живу-

щих группами — это схватки самцов (демонстративные или кровавые, в том числе среди антропоидов), результатом которых становится «впечатывание» в психику победителя и проигравшего соответствующих структур — *установок*, которые будут определять их поведение до новой схватки соперников [6].

Так в группе устанавливаются иерархические отношения доминирования с утверждением приоритетного доступа к добыче и самкам, к охоте на территории. Когда ослабевший глава группы проигрывает бой усилившемуся сопернику, у обоих складываются регулирующие дальнейшее поведение психические структуры, которые можно выразить примерно так: «теперь я — побежденный, здесь все уже не мое и придется уходить» или «теперь я — главный, вся эта территория и все самки мои, никого сюда не пущу».

Другими примерами предритуалов являются установление и поддержание отношений приятия, дружества («солидарности»), полового партнерства, родительства через груминг, прикосновения, обмен определенными звуками [6]. «Брачные игры», «ухаживание» среди млекопитающих и птиц при образовании пар играют ту же роль, поскольку дальнейшее партнерское и родительское поведение (пусть преимущественно инстинктивное) уже направлено на партнера, что закрепляется как раз в предритуалах.

У антропоидов положительное подкрепление не ограничивается лакомством, как у дрессируемых животных, или сиюминутным доступом к самке за победу в схватке с соперником в период гона у многих травоядных. Важными мотиваторами для шимпанзе, бонобо и весьма значимыми для нас являются чувства, эмоции, причем обычно связанные с уровнем социального, группового членства, отношением со стороны значимых окружающих.

«Язык» животных — часть «эпизодического разума»

Многие социальные животные, в том числе антропоиды, вполне эффективно общаются между собой посредством дифференцированных звуковых сигналов, так называемого «языка животных», или «коммуникативной системы животных» [13]. Простые смыслы сигналов (появление опасного хищника, угроза, согласие подчиняться, приглашение играть, дружить, стать половым партнером и т. д.) передаются простыми звуками.

Язык тех обезьян, для жизни которых важно *разное* групповое поведение, адекватное *разным* внешним угрозам или *разным* ситуациям внутри их групп, оказывается довольно сложным со многими дифференцированными и легко распознаваемыми ими звуками. Этот вывод получил солидное эмпирическое обоснование благодаря технике с магнитофонным воспроизведением разных звуков и последующей видеозаписью поведения обезьян. Таков «эпизодический разум», по М. Дональду [17].

Следует полагать, что у нашего общего предка с антропоидами был примерно такой же уровень развития знаковой системы, иначе пришлось бы считать

способы общения шимпанзе и бонобо изрядно деградировавшими, для чего нет никаких оснований.

Способности к обучению новым знакам

Анатомия гортани антропоидов накладывает сильные ограничения на способность производить четко различающиеся, распознаваемые другими звуки и слитные сочетания звуков (слова). Бонобо обучаются пользоваться графемами (табличками со значениями предметов и действий). Наиболее талантливый и знаменитый из них Канзи выучил несколько сотен таких табличек, общаясь с экспериментаторами нажатием клавиш, после чего таблички возникали на экране [21].

Канзи всюду использовал сочетания этих «слов» — *прогофразы*, выставляя без особого порядка выученные таблички (как правило, обозначающие что-то вкусное, а также «дай» и «хочу есть»). М. Дональд справедливо заметил, что такие успехи являются результатом не только и не столько врожденных биологических способностей самих обезьян, сколько извне привнесенной им экспериментаторами культурой табличек, значений и попыток наладить человеческую коммуникацию [17, р. 29].

Различия в структуре внимания и ритуальном поведении

Любопытную особенность выявил М. Томаселло: обезьяны никогда не указывают друг другу на что-либо, в том числе значимое (например, лакомство или игрушку). Своим поведением они обычно привлекают внимание к себе, иногда показывают движениями, что собираются делать [25, р. 129]. Собаки могут лаем или движением головы указывать людям, где что-то находится (например, подбитая утка). Эта способность, вероятно, обусловлена длительной эволюцией собак в человеческом культурном пространстве. Однако собаки не указывают на объект другим собакам, не удерживают на нем совместное внимание в течение длительного времени. Специально обученные шимпанзе могут указывать экспериментатору на лакомство, чтобы его получить, но нет никаких свидетельств, чтобы они делали что-то подобное в естественной обстановке.

Способность людей указывать и понимать указания, адекватно реагировать на них являются одной из специфических черт нашего вида. Дети даже до освоения речи, в 12–14 месяцев, уже вполне уверенно реагируют на указания и способны сами произвольно указывать. Казалось бы, — малая деталь. Однако в основе полноценных человеческих интерактивных ритуалов лежит именно наша *способность совместно фокусировать внимание на одном и том же объекте*, поэтому данная «деталь» оказывается весьма значимой.

Именно в связи с отсутствием четких указательных жестов у животных нет и полноценной совместной интенциональности, когда внимание сфокусировано не на них самих, не на ситуации их взаимодействия, не на практической цели (как при охоте), а на предмете

общего интереса и их взаимной коммуникации [11; 14; 25]. Соответственно, в предритуалах животных *нет отдельных символов с автономией значений от конкретной эмоциональной ситуации, нет способности к долгому удержанию совместного фокуса внимания на объекте, нет общей, разделяемой субъективной реальности* (по крайней мере, о ней нельзя судить).

Спуск гоминид на землю и переход доминирования к эгалитарным коалициям

При спуске на землю ранние гоминиды попали в высококонкурентную нишу собирателей и, увы, низших падальщиков, с необходимостью держаться вместе для защиты от грозных хищников, а также издали приносить пищу женщинам, оставшимся с детьми на стоянке [2; 22].

По известным морфологическим признакам происходило *самоодомашнивание*: пропали большие челюсти, уменьшались черепные гребни и валики, уменьшался половой диморфизм — различие в размерах и силе между самцами и самками. Резонно считать, что этот процесс включал не только анатомические, но и существенные социальные, когнитивные трансформации в сторону равенства и внутригрупповой солидарности [1; 7; 26].

Есть несколько объяснений эгалитаризации, которые не противоречат, а дополняют друг друга: дистантное групповое насилие (забрасывание камнями), появление летального оружия (рубил), коалиции матерей против агрессоров для защиты детей и себя от насилия, отрицательный половой отбор агрессивных альфа-самцов.

Гоминиды отгоняли конкурентов-падальщиков от добычи камнями [2], но было необходимо также отгонять хищников от стоянки, оберегая малых детей, поэтому самки умели кидаться камнями не хуже самцов. Они же наименее терпимо относились к междуособным стычкам и дракам, поскольку самцы-победители становились угрозой для детей побежденных, а самкам грозили сексуальным насилием [7; 19; 23].

Версия группового забрасывания камнями сильнейших противников [15] здесь дополняется вполне правдоподобным альянсом между матерями и группой относительно слабых самцов, которые вместе противостояли крупным, зубастым забиякам и насильникам.

Простейшие рубила, которым пользовались для разделки туш, были новым оружием, которым можно было не только сильно травмировать, но и убить. Поскольку среди высших млекопитающих чаще вместо драк происходит демонстрация угроз (кто кого испугается); без реальной драки одиночные агрессоры чаще уступали коалиции более слабых самцов, тем более поддержанных самками.

Наконец, даже при отсутствии уверенных побед в стычках, самки, находившиеся в альянсе против агрессивных самцов, всеми силами избегали спаривания с ними. Не исключено, что именно последний фактор *отрицательного полового отбора* стал самым эффективным для самоодомашнивания гоминид, как в морфологии (грацилизация), так и в поведенческих задатках

(ориентация на групповое членство и солидарность, а не на личное доминирование через насилие и устрашение).

В жизни групп главным итогом этих процессов, занявших весьма долгий период (примерно от 87 до 2,51,5 млн лет назад) стал переход доминирования от агрессивных альфа-самцов к солидарным и относительно эгалитарным коалициям. Верховенствовали в них самцы (как в большинстве известных групп охотников-собирателей) или самки (как в группах бонобо), это уже не столь важно.

Уровень ультра-микро: от самодрессуры к нормативным ритуалам

От миллионов лет перейдем к минутам и секундам — главным социальным действиям в ситуациях «здесь и сейчас», формировавшим психику и поведение участников. Гоминиды уж точно были не менее сензитивны и сообразительны, чем обезьяны, поэтому научились адекватно реагировать на настрой соплеменников. Члены доминирующей коалиции, а затем и остальные члены группы, в ответ на неподобающее поведение дружно выражали общую эмоцию неодобрения мимикой, позами, определенными звуковыми сигналами, подкрепленными угрозой группового наказания. Солидарное и полезное для группы поведение (щедрость в дележе, защита слабых, обустройство стоянки, изготовление удобного орудия), напротив, поощрялось, но также дружно и с особой вокализацией.

Уже в этих действиях стала формироваться *совместная интенциональность* — групповое когнитивное приобщение к ситуации, чьему-то поведению с удержанием общего фокуса внимания и переживанием общей эмоции [14; 25, р. 305]. Происходившее правильное всего квалифицировать как *самодрессуру*. Действительно, группа систематически порицала, высмеивала допускаявших насилие, грубость, жадность, трусость и выражала одобрение умелым, удачливым, щедрым, готовым помочь соплеменникам.

Групповой контроль со временем стал обеспечиваться мягкими, но отлично распознаваемыми знаками одобрения (улыбки, похлопывания) и неодобрения (насмешки, сердитое лицо, презрительные взгляды), которые до сих пор используются во всех человеческих сообществах.

Звуковые сигналы при этом отнюдь не исчезли. Дружный громкий ор, ранее применявшийся, чтобы напугать нарушителя, переставал быть необходимым. Негромкий, но четко различимый сигнал, произнесенный лишь одним членом доминирующей коалиции, сопровождаемый соответствующими интонацией и мимикой, был уже вполне достаточен.

Сдвиг регулятивной инстанции от другого лица к знаку

Исключительно важно, что со временем *стандартные звуковые сигналы, означавшие неодобрение или одо-*

брение, через интериоризацию получали свою регулирующую индивидуальное поведение силу. Сам механизм интериоризации уже присутствует в предригуалах животных: после схватки у проигравшего формируется установка подчиненности, а у победителя — установка доминирования (см. выше). При этом в психике животного «отпечатывается» вся эмоциональная ситуация со страхом перед одержавшим верх или торжеством в отношении поверженного противника. Здесь была интериоризована вся ситуация с эмоцией.

Теперь рассмотрим, что происходит в процессе дрессировки. Хорошо выученная собака «понимает» команды «лежать!», «сидеть!», «голос!», «можно!», «фу!», «рядом!» и т. д., подчиняется им, даже если кто-то другой (в чем-то сходный с хозяином) произносит эти слова с властной интонацией. Здесь нет интериоризации, поскольку для «правильного» поведения все еще требуется социальное взаимодействие. Распознавание и выполнение множества команд собакой или цирковым животным можно традиционно описать в терминах условных рефлексов, по И. Павлову, или в терминах оперантного обусловливания, по Б. Скиннеру [10], но можно и как сформированную *установку*, по Дм. Узнадзе [12], — настрой и способность отвечать выученным действием на четко произнесенные человеком слова.

Понятие «самодрессура» здесь значимо, поскольку *каждый гоминид как объект «дрессировки» в той или иной мере был и ее субъектом*, ведь он учился, был способен не только распознавать, но и произносить те же звуковые сигналы, означавшие групповое одобрение или неодобрение чьим-то действиям или вообще происходившему.

Представим три ступени самодрессуры гоминид почти в точном соответствии с этапами формирования психических структур, по Л. С. Выготскому [4]:

1) повторявшиеся ситуации с дружным выражением группового одобрения или неодобрения чье-либо действия, что сопровождалось определенным, хорошо распознаваемым звуковым сигналом;

2) участник, находящийся в одиночестве и желающий сделать что-то неодобряемое (например, съесть добытую еду вместо того, чтобы отнести ее на стоянку и поделиться), сам громко произносит четкие звуки неодобрения, воображая недовольство соплеменников, и отказывается от нарушения; либо, наоборот, он не хочет делать что-то одобряемое (идти за добычей в опасное место, пересекать холодную реку, делиться добытой едой), но громко произносит ободряющие сигналы и превозмогает себя;

3) то же самое, что в п. 2, но звуки уже произносятся «про себя», т. е. установка интериоризирована и скреплена со знаком.

Итак, широко распространенная способность животных формировать предустановки в предригуалах без интериоризации здесь соединилась со способностью, благодаря *самодрессуре*, интериоризировать звуковые сигналы и подчиняться им. Приверженцы психоанализа имеют полное право усмотреть здесь рождение инстанции «Сверх-Я».

Рассмотрим отличие *новых моральных чувств* — стыда и гордости — от сходных с ними по внешнему

выражению эмоций животных. По своим зримым признакам (потупившийся взгляд, опущенные голова и плечи, сторбленность) стыд действительно родствен более древнему переживанию подчиненности, подавленности. Однако *стыд* является более сложным, надстроечным чувством, поскольку включает признание не только своего провала и слабости, но также определенного *нарушения правила*. Главным становится не страх перед наказанием, а переживание неправомерности своего поведения.

Гордость, сходным образом выражаемая людьми, антропоидами и, вероятно, древними гоминидами (прямая поза, поднятая голова, расправленные плечи, прямой взгляд, горящие глаза) означает у людей не только и не столько победу в схватке и силовое преимущество, сколько ту самую «моральную силу», по Э. Дюркгейму, — чувство правомерности своего поведения, оправданность своего высокого социального членства в группе — престижа [18, р. 176].

Нормативность и новые коммуникативные заботы

С появлением нормативности базовые сферы и типы забот — безопасность, пропитание, престиж, сексуальность, родительство — остались, но *социальные условия, допустимые пути* достижения соответствующих интересов, целей неуклонно затруднялись и усложнялись. Это и вынуждало гоминид к поиску новых ответов, причем в той же избранной «колее» *координации действий через общение* [8].

Нормативность стала волшебной палочкой, породившей новые правила и отношения, а значит, *новые социальные порядки*. В этой новой среде критичным для обеспечения индивидуальных и групповых забот стало сообщение и распознавание все большего количества знаков. Чем больше появлялось сигналов, тем сильнее стали требоваться критерии их различения и распознавания [8, с. 24]. Это достигалось различением слогов, потом фонем, благодаря чему синкретичные сигналы превратились в *протослова* (пока еще привязанные к ситуациям). Различение слогов, фонем, протослов и их значений стало *лексической волшебной палочкой* — механизмом порождения множества протослов.

Так появилась *предречь* — стадия эволюции языка между коммуникативной системой животных (а также младенческого гуления в онтогенезе) и *протоязыком* (со сложившимся фонетическим строем, упорядочением автономных от ситуации и семантически связанных между собой слов).

Для предречи характерны зачаточные различения *протослогов* (ранняя предречь) и различения слогов с основными фонемами (поздняя предречь), использование *протослов* (с ситуативными, не связанными между собой значениями) и *реактивных протопраз* (произносимого в ответ на ситуацию набора протослов без значащего порядка).

Установки нормативности, способности выполнять и контролировать выполнение правил послужили

ли основой для *артикуляционной стандартизации*, без которой невозможно распознавание произнесенных сочетаний звуков.

При отсутствии подавляющих силой альфа-самцов появилась возобновлявшаяся необходимость согласовывать предложения для принятия решений. Появилась совершенно новая коммуникативная забота *убеждения*, предполагающая *взаимопонимание*, а здесь уже только мимикой и жестами нельзя было обойтись [8, с. 23].

Борьба за доминирование через устрашение насильем сменилась *конкуренцией за лидерство и престиж через мобилизацию поддержки* на основе правильности поведения.

Кажущийся нам «естественным» *порядок очередности выступлений*, когда один говорит, а остальные молчат, является особой нормой, которая была выработана и закреплена, вероятно, переносом правила строгой очередности доступа к пище при совместных трапезах.

Запрет на сексуальное насилие привел к росту значимости *ухаживания и заигрывания*, которые стали осуществляться также через звуковую коммуникацию.

В числе первых способностей сознания, сопряженных с ростом языковой сложности, были:

- способность совместно *фокусировать внимание* на эмоционально значимых неодобряемых или одобряемых группой *действиях соплеменников* в наличной ситуации (изначально — в нормативных ритуалах);

- способность выделять, различать *отношения принадлежности*, следовать соответствующим правилам доступа как к благам и ресурсам (вкусной еде, орудиям, местам), так и к соплеменникам (особенно в сексуальной сфере);

- способность *выделять* более сложные и *разнообразные правила, распознавать чужие и свои действия, подпадающие под них*; испытывать стыд, гордость, гнев, уважение при сопоставлении действий с нормами, моральными установками;

- способность *фиксировать внимание* на «завтра» и «вчера», а затем удерживать внимание на сменяющихся днях, ориентироваться в них (вероятно, в связи с необходимостью поддерживать огонь, заготавливать топливо).

Реконструкция этих сложных процессов в связи с обновлением техноприродных ниш, социальных порядков, коммуникативных забот требует отдельного изложения.

Литература

1. Беляев Д.К. О некоторых факторах эволюции гоминид // Вопросы философии. 1981. № 8. С. 69—77.
2. Бикертон Д. Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянской культуры, 2012. 336 с.
3. Бурлак С.А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Альпина Диджитал, 2019. 292 с.
4. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
5. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
6. Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение. М.: Мир, 1992. 670 с.
7. Даймонд Дж. Третий шимпанзе. Эволюция и перспективы человеческого животного. М.: АСТ, 2013. 480 с.
8. Маланов С.В. О культурно-исторических источниках зарождения целеполагания в составе произвольно-преднамеренной и волевой регуляции // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 2. С. 22—31. DOI: 10.17759/chp.2019150203. DOI:10.17759/chp.2019150203
9. Розов Н.С. Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета // Ценности и смыслы. 2010. 1(18). С. 50—67.
10. Скиннер Б.Ф. Оперантное поведение // История зарубежной психологии. Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: МГУ, 1986. С. 60—95.
11. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.
12. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 451 с.
13. Фитч У.Т. Эволюция языка. М.: Языки славянских культур, 2013. 768 с.
14. Холмогорова А.Б., Клименкова Е.Н. Способность к эмпатии в контексте проблемы субъектности // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Том 25. № 2. С. 75—93. DOI:10.17759/cpr.2017250205

References

1. Belyaev D.K. O nekotorykh faktorakh evoliutsii gominid [On Some Factors of Hominids' Evolution], *Voprosy filosofii = Studies in Philosophy*, 1981, no. 8, pp. 69—77. (In Russ.).
2. Bickerton D. Yazyk Adama: kak lyudi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal lyudey [Adam's tongue. How humans made language, how language made humans]. Moscow: Yazyki slavianskih kul'tur, 2012. 336 p. (In Russ.).
3. Burlak S.A. Proishozhdenie yazyka. Fakti, issledovaniya, gipotezi [The origin of language. Facts, research, hypotheses]. Moscow: Alpina Digital, 2019. 292 p. (In Russ.).
4. Vygotsky L.S. Psihologiya razvitiya cheloveka [Psychology of human development]. Moscow: Smysl; Eksmo, 2005. 1136 pp. (In Russ.).
5. Vygotsky L.S., Luria A.R. Etyudi po istorii povedeniya: Obezyana. Primitiv. Rebenok [Studies on the history of behavior: Monkey. Primitive. Child]. Moscow: Pedagogika, 1993. 224 p. (In Russ.).
6. Goodall J. Shimpanze v prirode: povedeniye [Chimpanzees in Nature: Behavior]. Moscow: Mir, 1992. 670 p. (In Russ.).
7. Diamond J. Tretiy chimpanzee. Evolyuciya i perspektivi chelovecheskogo zhivotnogo [The Third Chimpanzee. The Evolution and Future of the Human Animal]. Moscow: AST, 2013. 480 p. (In Russ.).
8. Malanov S.V. O kulturno-istoricheskikh istochnikah zarozhdeniya celepolaganiya v sostave proizvolno-prednamerennoy i volevoy regulyacii [On the Cultural-Historical Origins of Goal-Setting Within Voluntary and Volitional Regulation]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 22—31. DOI: 10.17759/chp.2019150203. (In Russ.).
9. Rozov N.S. Ritualy, instituti i resursy: socialnie osnovi transformacii mentaliteta [Rituals, institutions and resources: social foundations of the mentality transformation]. *Cennosti i smisli = Values and Meanings*, 2010, no. 1(18), pp. 50—67. (In Russ.).
10. Skinner B.F. Operantnoe povedenie [The Operant Behavior]. In Gal'perin P.Ya. (eds.), *Istoriya zarubezhnoy*

15. Bingham P. On the Evolution of Language: Implications of A New and General Theory of Human Origins, Properties, and History // *The Evolution of Human Language: Biolinguistic Perspectives* / Larson R.K., V. D prez, H. Yamakido (eds). Cambridge Univ. Press, 2010. P. 211–224. DOI:10.1017/CBO9780511817755.016
16. Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton Univ. Press, 2004. 439 p. DOI:10.1515/9781400851744
17. Donald M. The Central Role of Culture in Cognitive Evolution: A Reflection on the Myth of the 'Isolated Mind' // *Culture, Thought and Development* / Nucci L., G. Saxe. E. Turiel (eds.). Psychology Press, 2000. P. 19–38.
18. Fessler D.M.T. From Appeasement to Conformity: Evolutionary and Cultural Perspectives on Shame, Competition, and Cooperation // *The Self-Conscious Emotions: Theory and Research* / Tracy J.L., R.W. Robins, J.P. Tangney (eds.). New York: Guilford Press, 2007. P. 174–193.
19. Hrdy S.B. *Mother Nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection*. Boston: Pantheon Books, 1999. 752 p.
20. Laland K.N. *Darwin's Unfinished Symphony. How Culture Made the Human Mind*. Princeton Univ. Press, 2017. 450 p. DOI:10.1515/9781400884872
21. Lloyd E.A. Kanzi, Evolution, and Language // *Biology and Philosophy*. 2004. № 19. P. 577–588. DOI:10.1007/sBIPH-004-0525-3
22. Lovejoy C.O. Reexamining Human Origins in Light of *Ardipithecus ramidus* // *Science*. 2009. Vol. 326. Iss. 5949. P. 74–74e8. DOI:10.1126/science.1175834
23. Power C. The Evolution of Ritual as a Process of Sexual Selection // *The Social Origins of Language* / D. Dor, Chr. Knight, J. Lewis (eds.). Oxford Univ. Press, 2014. P. 196–207. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199665327.003.0015
24. Stinchcombe A. *Constructing Social Theories*. Chicago & London: Univ. of Chicago Press, 1987. 303 p.
25. Tomasello M. *Becoming human a theory of ontogeny*. The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2019. 379 p. DOI:10.4159/9780674988651
26. Wrangham R. *The Goodness Paradox: The Strange Relationship Between Virtue and Violence in Human Evolution*. Pantheon, 2019. 400 p.
- psihologii. Teksti* [History of foreign psychology]. Moscow: Moscow State Univ., 1986, pp. 60–95. (In Russ.).
11. Tomasello M. Istoki chelovecheskogo obscheniya [Origins of human communication]. Moscow: Yazyki slavianskih kul'tur, 2011. 328 pp. (In Russ.).
12. Uznadze D.N. Psihologicheskie issledovaniya. [Psychological research]. Moscow: Nauka, 1966. 451 p. (In Russ.).
13. Fitch W.T. Evolyutsiya yazyka [Evolution of Language]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2013. 768 p. (In Russ.).
14. Kholmogorova A.B., Klimenkova E.N. Sposobnost k empativ kontekste problemisub'ektnosti [Empathic Ability In The Context Of The Subjectivity Problem]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2017. Vol. 25, no. 2, pp. 75–93. DOI: 10.17759/cpp.2017250205. (In Russ.).
15. Bingham P. On the Evolution of Language: Implications of A New and General Theory of Human Origins, Properties, and History. In Larson R.K. (eds.), *The Evolution of Human Language: Biolinguistic Perspectives*. Cambridge Univ. Press, 2010, pp. 211–224. DOI:10.1017/CBO9780511817755.016
16. Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton Univ. Press, 2004. 439 p. DOI:10.1515/9781400851744
17. Donald M. The Central Role of Culture in Cognitive Evolution: A Reflection on the Myth of the 'Isolated Mind'. In Nucci L. (eds.), *Culture, Thought and Development*. Psychology Press, 2000, pp. 19–38.
18. Fessler D.M.T. From Appeasement to Conformity: Evolutionary and Cultural Perspectives on Shame, Competition, and Cooperation. In Tracy J.L. (eds.), *The Self-Conscious Emotions: Theory and Research*. New York: Guilford Press, 2007, pp. 174–193.
19. Hrdy S.B. *Mother Nature: A History of Mothers, Infants and Natural Selection*. Boston: Pantheon Books, 1999. 752 p.
20. Laland K.N. *Darwin's Unfinished Symphony. How Culture Made the Human Mind*. Princeton Univ. Press, 2017. 450 p. DOI:10.1515/9781400884872
21. Lloyd E.A. Kanzi, Evolution, and Language. *Biology and Philosophy*, 2004, no. 19, pp. 577–588. DOI:10.1007/sBIPH-004-0525-3
22. Lovejoy C.O. Reexamining Human Origins in Light of *Ardipithecus ramidus*. *Science*, 2009. Vol. 326, issue 5949, pp. 74–74e8. DOI:10.1126/science.1175834
23. Power C. The Evolution of Ritual as a Process of Sexual Selection. In Dor D. (eds.), *The Social Origins of Language*. Oxford Univ. Press, 2014, pp. 196–207. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199665327.003.0015
24. Stinchcombe A. *Constructing Social Theories*. Univ. of Chicago Press, 1987. 303 p.
25. Tomasello M. *Becoming human a theory of ontogeny*. The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2019. 379 p. DOI:10.4159/9780674988651
26. Wrangham R. *The Goodness Paradox: The Strange Relationship Between Virtue and Violence in Human Evolution*. Pantheon, 2019. 400 p.

Информация об авторах

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения РАН (ИФПР СО РАН), г. Новосибирск, Российская Федерация; профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет (МОН П НГТУ). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>, e-mail: nrozov@gmail.com

Information about the authors

Nikolai S. Rozov, Dr. Sc. in Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University (NSTU). Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>, e-mail: nrozov@gmail.com

Получена 18.08.2021

Принята в печать 08.12.2022

Received 18.08.2021

Accepted 08.12.2022